

УДК 811.161

МЕТОДИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»)

Я.А. Зорина

*Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет», г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан*

Рецензент д-р филол. наук, профессор Н.В. Пятаева

Ключевые слова и фразы: артефакт; внутренняя форма слова; лексема; лингвокультурологическое комментирование; национальная культура; прецедентные феномены; фразеологические единицы; языковая личность.

Аннотация: Описывается авторская методика лингвокультурологического комментирования художественного текста, состоящая из девяти этапов. Выделяются и толкуются значения архаизмов и историзмов, образных выражений, авторских неологизмов и т.п., особое внимание уделяется датам и именам, встречающимся в тексте, словам и оборотам, характеризующим особенности национальной культуры: прецедентным феноменам и артефактам, лингвокультурным концептам и фразеологическим единицам.

Огромная доля информации поступает к нам через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, причем не столько в плане культуры речи, сколько в умении проникнуть в тайны языка. Философы говорят даже, что досконально понимая слово, которое называет какой-либо предмет, явление, можно легче овладеть миром вещей.

Лингвокультурологическое комментирование представляет собой один из путей открытия тайны слова, знакомит с культурой, обрядами и традициями народа, с его духовной и социальной жизнью. Изучение и освоение духовных ценностей народной культуры в процессе формирования *языковой личности* является на сегодняшний момент одной из важнейших задач гуманитарного познания.

Зорина Яна Анатольевна – аспирант кафедры русского языка, стилистики и журналистики, e-mail: yan8912@yaqndex.ru, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Стерлитамак, Республика Башкортостан.

Однако несмотря на актуальность такого комплексного анализа, единой методики лингвокультурологического комментирования художественного текста на сегодняшний день не существует. Хотелось бы представить свой подход к осуществлению данного вида комментирования, основываясь на тексте поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Первым этапом лингвокультурологического комментирования является внимательное прочтение художественного текста. Далее, учитывая уровень овладения и особенности использования лексических средств современного русского языка его средним носителем, следует выделить в тексте незнакомые или малознакомые слова и сочетания слов (т.е. лексемы, известные современному носителю языка, но малоупотребительные, точное значение которых средний носитель языка не может сформулировать) и с помощью словарей соответствующих типов (толковых, энциклопедических, мифологических, терминологических, фразеологических, этимологических, толково-исторических и др.) определить их языковое и контекстное значение. Если речь идет о конкретном предмете (артефакте) или имени собственном, по возможности, представить фото, рисунок или иной вид визуального изображения и, в случае упоминания лица, портрет и краткую биографическую справку.

Например, в первых строках поэмы «Руслан и Людмила», требует подробного семантического, этимологического и этнографического комментария слово *лукоморье* ‘часть морского берега, которая похожа на изгиб лука’. Само *море* (равно как и морское побережье, заморские края) – символ далекого, пространства, необычного, чудесного мира. Сравните польскую поговорку «*Kto na morzu nie bywał, ten dziwów nie widział*» (Кто на море не бывал, тот дива не видал). У русских жителей Олонецкой губернии сохранилось представление о том, что настоящие колдуны *живут у моря*, они умеют оборачивать свадьбу в медведей. В новгородских быличках рассказывается, что «далеко за морями живёт народ *армизоны*», который владеет «чудесными неразменными деньгами»: сколько ими не плати, они всегда возвращаются владельцу. По верованиям поляков Поморья, аисты улетают осенью далеко за море, где превращаются в людей, а весной выходят на берег моря, хлопают в ладоши и вновь становятся птицами, чтобы вернуться на землю. Из моря аисты вылавливают детей, чтобы принести их людям. Из-за моря добывают птицы «золотые ключи», чтобы открыть затворы и выпустить весну: *Прилетел кулик из заморья, вывел весну из затворья* [2, с. 917]. В севернорусских заговорах ангелы открывают весной ключами *синее море*, чтобы рыба пошла в сети и ловушки.

Подобно другим водным источникам (*вода, река, источник*), море осмысливается как граница между миром людей и *тем светом*. В волшебных сказках герой попадает в загробный мир, переправляясь через море; за морем находится царство Кощея Бессмертного, Змея Горыныча и других *чудищ заморских*; там же добываются чудесные средства и предметы (*живая вода, молодильные яблоки, разрыв-трава* и т.п.). Согласно демонологическим поверьям, из моря выходят весной женские мифологические персонажи (*русалки, вилы, самодивы*), которые осенью вновь возвращаются в море.

В заговорах море выступает то как сакральное пространство, божественный локус, то как *пустое, безжизненное, нечистое* место, куда отсы-

лаются болезни и вредоносные силы. Посреди моря находится центр мира; в популярных зачинах южно- и восточнославянских заговоров *на море, посреди моря, на море-луко-морье, на море-океане* расположены: остров, курган, гора, поле, камень, алатырь-камень, столб, престол, церковь, **дерево**, кровать, кресло, стол, огненный дом и др. На них пребывает персонаж-помощник в лечении (Христос, Божья Мать, святые, царь Давид, Соломон, бабушка Соломонида и др. мифические целители) [1]. Таким образом, первое слово первой песни поэмы погружает нас в чудесный, сказочный мир, о котором А.С. Пушкин упомянул в посвящении:

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Вре́мён минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шёпот старины болтливой,
Рукою верной я писал...* [3, с. 7].

Закономерным в этом сказочно-мифологическом контексте является появление у лукоморья *зелёного дуба, золотой цепи, учёного кота, лешего, русалки, неведомых дорожек со следами невиданных зверей, избушки на курьих ножках* и т.п., чудес, наименования которых требуют подробного лингвокультурологического комментария, который, в свою очередь, позволит представить индивидуально-авторскую картину мира А.С. Пушкина как языковой личности во всем ее объеме и во всей ее глубине.

Второй этап: особое внимание при выполнении лингвокультурологического комментария следует обращать на даты (в частности, время написания произведения) и **имена**, встречающиеся в тексте.

Так, не случайно А.С. Пушкин для главных героев поэмы выбирает имена *Руслан* и *Людмила*.

Восточнославянское имя *Людмила*, **внутреннюю форму** которого можно определить как ‘милая людям’, так как оно ассоциируется с солнечной невестой, *зарёй-заряницей (заря-заряница, красная девица*, как ее именовали в заговорах и фольклорных текстах), цветущей природой [4, с. 189]. Героиню можно назвать и *солнечной дочерью*, потому что отец Людмилы – *Владимир-Солнце. Солнце*, по данным энциклопедического словаря «Славянская мифология» [4, с. 361–363], почиталось славянами как источник жизни, тепла и света. Народные представления о солнце и свете испытывали влияние церковно-книжной традиции. **Византийская и древнерусская гимнография** уподобляла Христа *праведному солнцу*, а христианство – исходящему от него свету. Иисуса именовали также незаходимым, истинным, разумным, мысленным солнцем, а иногда и Богом-солнцем.

Очень точно подобрано поэтом имя волшебнику *Черномору*, ведь оно указывает и на морского персонажа (в свете вышеупомянутого мифологического контекста, связанного с *лукоморьем*), и на связь данного персонажа с темными, враждебными силами, противопоставленными светлым, солнечным героям, в частности *Людмиле*.

В балтийско-славянской мифологии *Чернобог* – злой бог, приносящий несчастье. В «Славянской хронике» автора XII в. Гельмольда описан ритуал

пиршества, на котором пускали вкруговую чашу и произносили заклинания от имени двух богов: доброго и злого – «чёрного бога». Чернобога изображали закованным в крепкую броню, да и сам истукан его был железный. Имея лицо, исполненное ярости, он держал в руке копье, готовое к нанесению всяких зол. Храм Чернобога был построен из черного камня, а перед статуей стоял жертвенник, всегда обагрённый кровью, как и ступени храма, на которых приносили ему в жертву коней, пленников и рабов. Для умиловления грозного чудовища в лихую годину бросали жребий и среди жителей этих мест, чтобы новой кровью улестить Чернобога. Сие страшное божество услаждалось кровопролитием и неистовством, а потому, хоть и мог он отвлечь войны и всяческие бедствия, молились ему, не испытывая никакой благодарности и любви, а один только страх [4, с. 391]. На основе этого противопоставления реконструируется пара *Белобог–Черно-бог* как воплощение мироорганизующих, системных противопоставлений «счастье–несчастье, добро–зло, белый–чёрный» и т. д., на основании которых построены мифологические, фольклорные и сказочные сюжеты, в том числе и сюжет поэмы «Руслан и Людмила».

На третьем этапе мы находим в тексте слова или обороты, характеризующие особенности национальной культуры. Это могут быть названия местной одежды и обуви, транспорта, предметов быта и убранства дома, наименования национальных праздников и т. п. В поэме А.С. Пушкина, описывающей события «старинны глубокой», таких слов предостаточно.

Так, например, можно дать подробный комментарий славянской традиции *плести венки на голову*, связанной с культом *Богини-матери*. Во-первых, венок показывает слияние образа совершенства (*круга*) и единства (*кольца*), во-вторых, процесс плетения венка связан с почитанием Богини-матери, женским началом, плодоношением земли и продолжением жизни.

Венок – ритуальный предмет, элемент убранства исполнителей обрядов. Изготавливается из свежей зелени и цветов, реже – из вечнозеленых растений, хвои, сухих веток и цветов, из соломы, бумаги, полотна. Подобно другим видам зелени, венки используются также для убранства жилых, хозяйственных и других построек (домов, хлебов, ворот, колодцев и т. п.), ритуальных предметов (каравая, крестов и т. п.), домашних животных. Обрядовое употребление венков связано также с магическим осмыслением его формы, сближающей венок с другими круглыми и имеющими отверстия предметами (кольцом, обручем, калачом). *Круг* – один из наиболее значимых мифопоэтических символов, отражающих представления о циклическом времени (*круг жизни, годовой круг*) и об основных формах структурирования пространства (деление на *свое* и *чужое*, где круг выступает как граница замкнутого, охраняемого пространства). На этих признаках венка основаны обычаи доить или процеживать молоко сквозь венок, пролезать и протаскивать что-либо через венок, смотреть, переливать, пить, умываться сквозь венок.

Дополнительную семантику сообщают венку свойства растений, послуживших для него материалом (барвинок, базилик, розы, герани, ежевика, папоротник, березовые или дубовые ветки), а также символика самого действия по изготовлению венка – витье, плетение. Изготовление венков

представляет собой особый ритуал, регламентирующий состав исполнительей (обычно девушек, женщин), обрядовое время и место плетения (например, гумно), число, размер и форму венка, способ плетения, дополнительные украшения (нитки, ленты, чеснок и т.п.). Как всякий ритуальный предмет, венок после обрядового использования либо подлежал ритуальному уничтожению (его сжигали, разрывали на части), удалению (бросали в воду, забрасывали на дерево, крышу дома, чердак, относили на кладбище и т.п.), либо, наоборот, его сохраняли для вторичного употребления в качестве охранительного и лечебного средства или средства, стимулирующего плодородие земли и скота: венки относили на поля, огороды и амбары, помещения для скота, скармливали животным, вешали на фруктовые деревья и т.п. Широко использовались венки в народной медицине и ветеринарии (из их зелени готовили настои, кропили больного с помощью венков), а также в гаданиях (пускали венки по воде, подкладывали на ночь под подушку, подбрасывали вверх и т.п.).

Четвертый этап. Немаловажными для лингвокультурологического комментария являются *этимологические* исследования *ключевых слов* текста и слов, называющих *прецедентные феномены*, причем, это касается не только незнакомых и малоизвестных среднему носителю языка слов, но и привычных с детства слов, так как об их «истинном» значении большинство носителей языка, за исключением историков языка и этимологов, не имеет никакого представления, тем не менее, они могут многое рассказать о культуре и традициях наших предков, об их обрядах и образе жизни.

Так, например, знаменитый пушкинский *сказочный лес* в мифологии связан, прежде всего, с животным миром (или миром зооморфным, обитатели которого представляются в обликах зверей). Он является одним из основных мест пребывания сил, враждебных человеку, через *лес* проходит путь в мир мертвых, кроме того лес – этоместилище различных духов, нечистой силы. Однако происхождение слова *лес* возвращает нас к человеку, который использовал все, что предоставляла ему окружающая природная среда для жизни. По данным этимологических словарей русского языка [5, с. 485; 6, с. 464–466], в русском языке XI–XVII вв. известны слова *лѣсъ, лѣсьньнь, лѣсьньньши, лѣшии, лесовати*, восходящие к *праславянскому* *lěsъ ‘деревья и кустарник как топливный, поделочный и строительный материал’, которое, в свою очередь, происходит от праиндоевропейского *loik’-/*lĕk’-/*lĕk- ‘хворост, нечто сплетенное из веток’ или *loiks-/*lĕks-/*loips-/*lĕps- ‘лес, как материал’. Таким образом, в современном русском литературном языке в одно *этимологическое гнездо* объединяются (то есть восходят к одному индоевропейскому корню) слова *лес, лист, лепесток, лопух, лопата, лопасть* и др., что свидетельствует о том, что дополнительная семантика ключевого слова *лес* как средоточия опасных для человека сил появляется позднее, после распада праславянской общности.

Пятый этап – обращение к религиозным и календарным праздникам, прямо упомянутым в тексте или таким, которые могли происходить в предложенных временных рамках. Следует рассказать о традициях их проведения, свойственных им обрядах и народных верованиях. Особое

внимание следует акцентировать на *артефактах*. Согласно теории К.Г. Юнга, артефакты – это генетически фиксированные древние образы и социально-культурные идеи, которые являются достоянием «коллективного бессознательного» и лежат в основе художественного творчества, конкретные имена, характерные для той или иной национальной картины мира [7].

Шестой этап – работа с упомянутыми в тексте *прецедентными феноменами (именами, высказываниями, текстами*, вернее, упоминаниями прецедентных текстов). Например, А.С. Пушкин в поэме обращается к следующим прецедентным именам: *Баба Яга, Кащей, Баян, Черномор, Владимир-Солнце, Лель* и др.

Седьмой этап – работа с встречающимися в тексте фразеологическими единицами на предмет выявления в них намеренного авторского искажения слов или авторской замены в них привычного порядка слов с целью создания комического, сатирического или других эффектов.

На предпоследнем этапе лингвокультурологического комментирования текста следует выявить проявившиеся в тексте *лингвокультурные концепты*, закрепленные в национальной языковой картине мира, а также обратить внимание на концепты индивидуально-авторской картины мира, после публикации и распространения анализируемого текста ставшие концептами национальной картины мира, если таковые имеются. Например, в тексте поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» проявляются такие концепты национальной русской картины мира, как «Судьба», «Вера», «Надежда», «Любовь», объединяемые в концептосферу.

На заключительном этапе лингвокультурологического комментирования необходимо выяснить, не встречаются ли какие-либо проявления анализируемого текста в других видах искусства (в живописи, музыке, архитектуре, театре, опере, балете, кино, мультипликации). Так, значение поэмы А.С. Пушкина и ее место в русской культуре подчеркивают и многочисленные иллюстрации к ней, и опера М.И. Глинки, поставленная по мотивам поэмы в 1842 г., и двухсерийный фильм режиссера А. Птушко, снятый в 1972 г., и мультфильм Ю. Кулакова с одноименным названием, вышедший на экраны в 2006 г.

В заключение хочется отметить, что предложенная методика лингвокультурологического комментирования художественного текста выполняется в рамках современной лингвокультурологии, с одной стороны, и антропоцентрической парадигмы лингвистики, с другой, что определяет необходимость рассмотрения языка с точки зрения того, как в нем отражается человек и его представления о мире в виде концептуальной (понятийной), национальной (воссоздание писателем картин древнерусского быта), религиозной (воспроизведение сцен религиозных обрядов и праздников) и мифологической (предания, мифы, объяснение происхождения наименований вещей и явлений) картин мира, что, безусловно, повышает ее значимость и актуальность не только в подробном сравнительно-историческом описании национальной языковой картины мира, но и в глубоком проникновении во внутренние миры, на первый взгляд, хорошо известного текста.

Список литературы

1. Белова, О.В. Море / О.В. Белова, Л.Н. Виноградова // Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М., 2004. – Т. 3. – С. 299–301.
2. Даль, В.И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989. – Т. 1. – 1024 с.
3. Пушкин, А.С. Руслан и Людмила / А.С. Пушкин. – М. : Дет. лит., 1984. – 126 с.
4. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. Т.А. Агапкиной [и др.] ; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 3-е изд., стер. – СПб. : Азбука, Терра – Книжный клуб, 1996. – Т. 2. – 671 с.
6. Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / А.К. Шапошников. – М. : Флинта : Наука, 2010. – Т. 1. – 652 с.
7. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 262 с.

Method of Linguistic Culturological Commenting on the Literary Text: Based on the Poem of A.S. Pushkin “Ruslan and Lyudmila”

Ya.A. Zorina

*Sterlitamak Affiliate of Bashkir State University, Sterlitamak,
Bashkortostan*

Key words and phrases: artifact; inner form of the word; lexeme; linguistic culturological commenting; linguistic identity; national culture; phraseological units; precedent phenomenon.

Abstract: The article describes the author’s technique of linguistic culturological commenting on the literary text comprising nine stages. This type of commenting involves analyzing the meanings of archaisms and historicisms, figures of speech, writer’s neologisms, etc. in the text; emphasis is made on dates and names in the text, words and phrases that characterize features of national culture, precedent phenomena and artifacts, lingvocultural concepts and phraseological units. At the final stage it becomes clear whether any of these manifestations of the analyzed text are typical of other works of the author and other art forms.

© Я.А. Зорина, 2013